

Новый «момент» для китайской диаспоры?

В.В. Сухомлинова

Московское отделение «Жэньминьван»

Рецензия на книгу: Чань Ш. *Родина диаспоры: современный Китай в эпоху глобальной миграции*. 2018. Durham: Duke University Press. 281 с.

Ключевые слова: Китай, китайская диаспора, транснационализм, мировая политика, национальное государство, колониализм, глобализация, идентичность, темпоральность

Книга Шелли Чань, профессора Университета Калифорнии и признанного специалиста в области новейшей истории Китая – это многоаспектное, оригинальное исследование фактора диаспоры в современной истории, находящееся на перекрёстке постколониальной теории, исследований культуры и литературоведения и действующее при этом транснациональную оптику. Исследуя также проблему «множества темпоральностей», Чань вводит новый концепт – «моменты диаспоры», периодические разрывы в линейной истории государства-нации, связанные с необходимостью учитывать особенности судьбы и картины мира членов диаспоры при формулировании собственной идентичности. Таким изящным образом Шелли Чань показывает, что образ Китая как современного национального государства, крупного субъекта мировой политики, – это своего рода калейдоскоп, отдельные элементы которого находятся далеко за пределами его исторической географии.

По мере нарастания глобальных миграционных потоков сохраняется потребность в концептуализации всего разнообразия форм движения через государственные границы: «отсюда» – «туда», обратного (в том числе виртуального) перемещения между «там» и «здесь», сохранением вовлечённости «здесь» во время пребывания «там» – и одновременно снятия жёсткого противопоставления внутри дихотомии «здесь» и «там». Роль диаспоры, как наиболее яркого транснационального актора, в международных отношениях неоднократно становилась предметом изучения учёных, принадлежащих к научной школе МГИМО (Лебедева 2013; Лошкарёв 2015). Транснациональные исследования

УДК 327.8

Поступила в редакцию: 12.02.2022 г.

Принята к публикации: 02.03.2022 г.

(Nation Unbound 1994; Кайзер, Бредникова 2004; Hong, van Dongen 2016) – это та область, в которой происходит осмысление многоаспектности миграционных процессов, институциональных связей мигрантов как с принимающей («hostland»), так и с родной («homeland») страной; и актуальность этого осмысления лишь нарастает.

Исследование Шелли Чань показывает, что феномены массовой эмиграции и последующей трансформации идентичности родины эмигрантов носят обоюдный характер: «Благодаря массовой эмиграции китайцев появился современный Китай» (с. 2). Подобный подход – новое слово в исследованиях диаспоры, в целом, и исследованиях китайской диаспоры, в частности. Более традиционным является представление о «стране-эмитенте» эмигрантов как об абсолютном субъекте, где государство либо прямым образом воздействует на эмигрантов, «возвращая» им чувство принадлежности к земле предков взамен на их участие в обозначаемых им социально-экономических и информационных программах, либо, как минимум, регулирует дискурсивные рамки взаимодействия эмигрантов с родиной. Согласно этому подходу, за счёт работы с диаспорой правящие элиты стремятся расширить собственную власть за пределы государственных границ¹. Противоположный, но также имеющий свои недостатки подход используется в рамках конструктивистской теории международных отношений и утверждает, что эмигранты – это автономные акторы международных отношений, усиление субъектности которых сопровождается размыванием субъектности национальных государств (Shain, Barth 2003).

Шелли Чань же выдвигает тезис, согласно которому субъектность китайских эмигрантов и масштабность всего процесса эмиграции из Китая в 1840-х–1950-х гг. во многом сместили центр активности Китая за пределы его территории. В связи с чем она предлагает интегрировать «проблему китайцев за рубежом» («the overseas Chinese question») в поле современной истории Китая в качестве её полноправного фактора, а не лишь побочного эффекта тех или иных внутренних процессов.

Опираясь на результаты лингвистического анализа, Шелли Чань выявляет мировоззренческие и исторические основания помещения китайской диаспоры на смысловую периферию родной культуры. Аналогом понятия «диаспора» с конца XIX — начала XX вв. служило в Китае понятие «хуа цяо» (华侨, китайцы, пребывающие за рубежом). В имперские времена идеограмма «цяо» входила в состав наименований для образованных ханьцев – чиновников и учёных, – которые были вынуждены временно покидать пределы родины в связи с нашествиями варваров. Коннотация «временности» отличает понятие «хуацяо» от позже принятых прочих обозначений эмигрировавших китайцев – «хуа жэнь»

¹ Tan Y. China's diaspora engagement policy and its powerful effect outside its borders. 2021. *Melbourne Asia Review*. №8. URL: <https://melbourneasiareview.edu.au/chinas-diaspora-engagement-policy-and-its-powerful-effect-outside-its-borders/> (дата обращения: 20.04.2022)

(华人, китайцы, осевшие за пределами Китая, но сохраняющие связь с китайской культурой) и «хуа и» (华裔, этнические китайцы, полностью ассимилировавшиеся за пределами Китая и утратившие все прочие связи с ним), она же, по меткому замечанию Чань, обусловила принятие именно понятия «хуацяо» для обозначения массового потока китайских эмигрантов в 1840-х–1950-х гг.:

Изучив столетие массовой эмиграции из Китая, можно предположить, что идея «временной» диаспоры ... служила подспорьем национального строительства Китая. Понятие «хуацяо» заключало в себе не только смысл оседания на чужой земле (будь то временное или окончательное оседание), официально признанного родиной, – оно предполагало также тандемную связку с понятием «цзуго» (祖国, «родина»). Нация и эмигранты продуктивным образом контрастировали друг с другом и дополняли друг друга. «Временность» эмиграции предполагала «постоянство» родины (с. 10).

Шелли Чань стремится показать, что вопреки коннотациям, заложенным в понятие «хуацяо», а также вопреки высочайшему проценту «возвращенцев» среди китайских эмигрантов (70%), историю китайской диаспоры не следует рассматривать исключительно в контексте её отчуждения от «большого китайского нарратива» или, наоборот, реинтеграции в него. История китайской диаспоры – это, во многом, и есть история современного Китая. Конечная цель Чань, таким образом, состоит не столько в том, чтобы наделить китайцев в эмиграции причитающимся им статусом за счёт поправа исторической субъектности «китайцев в Китае» или за счёт децентрализации Китая как нации, сколько пересмотреть устоявшиеся представления о том, что такое «Китай», или «современный Китай». Её «современный Китай» – это не некая монументальная целостность, а «фрагментированное и при этом сетевое (“fragmented and networked”) образование».

Наиболее интересной является оптика, посредством которой Шелли Чань доказывает равнозначность ролей «диаспоры» и «родины» в конституировании истории современного Китая, – это теория множественности темпоральностей («multiple temporalities»). Вслед за П. Дуарой (Duara 1996), Д. Чакрабартти (Chakrabarty 2000), и Г. Харутуняном (Harrotunian 2005), Чань предлагает реконцептуализировать феномен транснациональности с включением в него, помимо пространственного, временного аспекта. Национальное государство в русле подобных исследований перестаёт быть главной единицей анализа не только в связи с размыванием понятия «национальная территория», но и в связи с выявлением множества хронологий, альтернативных национальной, – например, «хронологии диаспоры». Китайские эмигранты, пишет Чань, могли, ассимилировавшись, стать частью истории других стран, войти в их временную шкалу. В то же время сама массовая эмиграция была и остаётся признаком тесного переплетения многих локальных процессов в общих глобальных контекстах – капи-

тализма, колониализма, мирового разделения труда, – что создает вероятность столкновения темпоральностей с их последующей гибридизацией: к примеру, в виде вовлечения осевших в других странах эмигрантов в «линейную историю» своей родины – и модификации этой истории. В связи с чем теоретический срез «множества темпоральностей» особенно ярко высвечивается в эмпирических исследованиях диаспоры.

Шелли Чань вводит два новых понятия: «время диаспоры» («diaspora time») и «моменты диаспоры» («diaspora moments»). Под «временем диаспоры» понимаются разнообразные виды непрерывного воздействия жизни в эмиграции на картину мира индивидуумов, семей и сообществ. Это некое условие повседневной жизни эмигрантов, наряду со всеми прочими условиями, которое устойчиво, но едва поддаётся фиксации. Напротив, «моменты диаспоры» – это единовременные вспышки, в которых время диаспоры сообщается с другими темпоральностями и которые имеют необычайно далекоидущие последствия в виде своеобразных «сбоев» в линейной истории страны-родины эмигрантов.

Пяти «моментам диаспоры» в современной истории Китая, выделенным Чань, соответствуют пять глав её книги. Первый «момент» – снятие в 1893 г. в Цинской империи запрета на эмиграцию, которое рассматривается не как запоздалая легитимация давно имеющейся практики, а как акт становления в Китае институтов защиты прав своих подданных, находящихся за рубежом, а значит – как переход архаичной империи к современному национальному государству. Во второй главе описан опыт группы шанхайских учёных из Университета Цзинань, которые собирали данные об истории китайских морских экспедиций в Юго-Восточную и Южную Азию. В 1920-х и 1930-х эти учёные сами селились в узловых точках древних маршрутов и интегрировались в господствовавшие на местах колониальные порядки; их цель состояла в том, чтобы доказать: китайский способ освоения лежащих к югу территорий – это не форма колониализма, а уникальный для Китая путь познания мира. Третий «момент диаспоры» – это история сингапурца Лим Бун Кёнга, дальнего потомка китайцев, осевших на Малайском полуострове, который получил образование в Эдинбурге, то есть имел богатый опыт жизни на просторах Британской империи в качестве представителя «колонизованной» культуры. Осмысление этого опыта позволило ему утверждать, что ключевым инструментом деколонизации мышления в современном Китае должно стать конфуцианство – вопреки распространённому среди китайских националистов убеждению, что влияние эпохи колониализма на Китай минимально, а конфуцианство – это лишь комплекс устаревших ритуальных практик. Четвёртый и пятый «моменты диаспоры» приходятся на первые десятилетия истории коммунистического Китая. По мере того, как власть Китайской Народной Республики проникала в районы южного Китая, возникала необходимость в определении правового статуса смешанных домашних хозяйств, в которых женщины трудились в районах, вошедших в состав КНР, а мужчины были задействованы на «зарубежных» рынках. С другой

стороны, установление в Китае власти КПК совпало с процессами деколонизации в Юго-Восточной Азии. Националистически настроенные новые элиты в этих странах поощряли распространение антикитайских лозунгов, что породило волну «возвращений» этнических китайцев в пределы границ КНР. Новый Китай оказался в трудном положении, в котором ему необходимо было сочетать образ революционной нации с образом «вновь обретённого дома».

Таким образом, Шелли Чань активно привлекает не только теоретические и кросс-дисциплинарные исследования современных глобальных процессов, но и внушительный корпус архивных материалов, комбинируя методы исторического исследования, базирующиеся на анализе, с синтезирующими методами политологии и отчасти – философии, так как она задействует диалектический метод, помогающий ей выявить динамическое начало феномена «современного Китая», показать его развитие в процессе преодоления им системных кризисов. При работе с источниками Чань также использует метод герменевтического анализа.

Не наблюдаем ли мы в настоящее время некий шестой «момент диаспоры» – точку, в которой темпоральность «китайцев за рубежом» могла бы видоизменить траекторию «стрелы времени», избранную действующим правительством Китая? Этот вопрос представляется тем более актуальным в связи с сохранением в государственном секторе Китая плановой экономики и ориентацией китайского руководства, особенно при председательстве Си Цзиньпина, на долгосрочные стратегии развития². Иными словами, локальная темпоральность нынешней Китайской Народной Республики представляется более устойчивой, чем когда бы то ни было, и в этой связи возрастает внимание к потенциальным факторам её «дестабилизации».

Исследование Шелли Чань, принимая во внимание необычный ракурс на популярную тему консолидации китайской нации, могло бы служить изложением одного из сценариев подобной дестабилизации. Однако, как было показано выше, Чань предпочитает не выстраивать свою аргументацию на основе раз и навсегда определённых дихотомий «постоянство [родины] – временность [диаспоры]», «стабилизация – дестабилизация», «сплочённость – разобщённость [нации]». В её представлении, современный Китай, вопреки его кажущейся монолитности, образование изначально «фрагментированное» («fragmented») и «расколотое» («split»), в котором уже сосуществуют несколько темпоральностей: темпоральность среднего и высшего класса из крупных городов – и темпоральность внутренних мигрантов из сельских районов, гигантских международных

---

² Имеются в виду так называемые «две столетних цели» (лян гэ и бай нянь 两个一百年), провозглашённые Си Цзиньпином на XVIII съезде КПК в 2012 г. в рамках лозунга «Китайской мечты о великом возрождении китайской нации». Первая «цель» подразумевала построение в Китае общества «малой зажиточности» к столетнему юбилею КПК в 2021 г., вторая – превращение Китая в «мощное, процветающее, демократичное, гармоничное социалистическое государство» к столетнему юбилею КНР в 2049 г.

корпораций – и малого бизнеса, правительства в Пекине – и администрации и элит на Тайване, в Гонконге и Макао.

В связи с подобной пролиферацией способов самоидентификации китайцев с «современным Китаем» сложно выделить очевидную линию разлома, в которой «время родины» встречалось бы с «временем диаспоры». Однако Шелли Чань не отрицает, что феномен шестимиллионной волны «новой эмиграции» из Китая с 1978 г. всё же нуждается в осмыслении в контексте её теории.

Вслед за исследовательницей Л. Рофель она вводит понятие «желающего Китая» («desiring China»), обозначающего глобальные амбиции – но не столько Китая как целой нации, сколько китайских горожан – индивидуумов и семей, – ищущих нового опыта интеграции в глобальные практики, в том числе лучшего образования, трудоустройства или инвестиционных возможностей (Rofel 2007: 5). Эмиграция, подчёркивает Чань, исторически была в Китае активным выбором частных лиц, а не санкционированным государством механизмом обеспечения его мирового доминирования. Точек расхождения «времени родины» и «времени диаспоры» гораздо больше, чем точек их схождения, и Чань предупреждает читателей против ассоциирования «национальных интересов» Китая с интересами китайских эмигрантов. Патриотические настроения отдельных представителей диаспоры служат, скорее, их личным целям, нежели внешнеполитическим целям Китайской Народной Республики:

Имеются тревожные сюжеты, в которых Китай, сметая всё на своём пути, завоевывает мир. Тем не менее широкое и углубляющееся вовлечение Китая в глобальные контексты не столько поддерживает, сколько ограничивает его в осуществлении власти. В любом узле разветвлённой сети – коей является Китай сегодня – могут возникнуть неожиданные конфликты и очаги напряжения. Учитывая количество временных и пространственных контекстов, в которых действует китайское государство, их постоянная реорганизация может стать его пожизненным обязательством. И здесь важно то, какой способ взаимодействия со своей историей оно изберёт, не в смысле поиска колеи развития, а в смысле возможности новых интерпретаций своей целостности. И в этом отношении опыт китайской диаспоры может служить для него ориентиром (с. 193).

Диаспора у Шелли Чань, таким образом, предстаёт не просто одним из элементов идентичности современного Китая, но самой моделью поиска этой идентичности. Если всё же выделять возможные контуры очередного «момента диаспоры», его, пишет Чань, следует наблюдать в необходимости перехода китайского государства к новому способу самоидентификации. Если раньше государство видело свое предназначение («telos») в отправке сигналов на «периферию», то теперь ему следует существовать в реальности, где между «родиной» и «диаспорой», в том числе представленной элитами Тайваня, Гонконга и Макао, действуют отношения «дезинтеграции, и при этом – нарастающей взаимозависимости» (с. 194).

Кроме попыток сформулировать новые концепции времени и пространства у исследования есть ещё один аспект – проблематизация онтологического статуса государства.

«Родина диаспоры» – это удачный пример амбициозного междисциплинарного исследования, кропотливой, в большой степени архивной работы по объединению независимых полей гуманитарной науки с ярким авторским взглядом. Оно будет интересно не только специалистам в области истории Китая и исследователям процессов глобализации и транснационализации, но и широкому кругу читателей, интересующихся способом взаимодействия современной культуры со своим прошлым.

Тем не менее одним из возможных замечаний к книге Шелли Чань может служить недостаточная конкретизация её предмета, а именно, того измерения «современного Китая», которое подвергается устойчивой модификации по мере столкновения с «временем диаспоры». Фрагментированность всего современного Китая предстаёт у Чань в виде зеркальной фрагментированности институциональных связей внутри пары «родина – диаспора». Китай, разумеется, не монолитен, однако в нём едва ли господствует лишь один тип центробежных, как и лишь один тип центростремительных сил. И какое разнообразие устойчивых институтов и моделей взаимодействия ни предлагала бы диаспора, это разнообразие останется секторальным, а не пройдёт красной нитью сквозь все стратегии самоидентификации, которые использует Китай в современном мире.

Таким образом, Чань оказывается в шаткой позиции, где судит о сущности действующей стратегии интеграции Китая в глобальные процессы на основании данных полувековой давности, относящихся к, без сомнения, одному из наиболее активных и изобретательных, но всё же весьма ограниченному сегменту представителей китайской культуры. Последний из описанных ею «моментов диаспоры» датируется 1958–1969 гг. С тех пор в модели китайского осуществления власти произошли грандиозные изменения: Китай стал, по сути, второй сверхдержавой, во многом далеко превосходящей формат «современного национального государства», бывшего недавно для него желанным ориентиром. Вероятно, это уже не только и не столько тот Китай, который появился благодаря феномену массовой эмиграции 1840-х–1950-х гг., несмотря на то что именно диаспора была основным спонсором реформ и открытости.

С другой стороны, помещая рассуждения о характере современного китайского государства в раздел «Заключение и эпилог», Чань придаёт им рамочный характер, не относящийся к основному корпусу её аргументов и не ставящий под вопрос корректность её методологии. Главный мотив её работы – зафиксировать, что явление массовой эмиграции из Китая меняет не только принимающие мигрантов сообщества, но и сам Китай. Ракурс «множества темпоральностей» остаётся её неоценимым вкладом в исследование истории транснационализма и, что не менее важно, в осмысление транскультурной гибридности (или, с традиционной китайской точки зрения – «организмичности»). Если исходить

из убеждения, что интерпретация «современного Китая», которую даёт ему китайская диаспора (и сама Чань, как её яркий представитель), в смысловом и ценностном отношении равнозначна интерпретации «современного Китая», которую даёт ему действующая правящая элита КНР, то и вышеприведённые замечания к книге можно оставить за скобками. Это открывает перспективы применения результатов работы Шелли Чань не только в исследованиях международных отношений, но и в области культурной антропологии.

Об авторе:

Виктория Владимировна Сухомлинова – сотрудник московского отделения «Жэньминьван». Россия, 119049, г. Москва, 4-й Добрынинский переулок, 8, R108. Email: pavlenko1993@gmail.com

UDC 327.8
Received: February 12, 2022
Accepted: March 02, 2022

A new Chinese “Diaspora Moment”?

V.V. Sukhomlinova
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-2-83-209-217](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-2-83-209-217)

“Renminwang” Moscow office

Book review: Review of the book by Shelly Chan. *Diaspora's Homeland: Modern China in the Age of Global Migration*. 2018. Durham, Duke University Press. 281 p.

Keywords: China, Chinese diaspora, transnationalism, world politics, nation-state, colonialism, globalization, identity, temporality.

About the author:

Victoria V. Sukhomlinova – member of staff at “Renminwang” Moscow office. 4th Dobrininski lane, 8, room 108, Moscow, Russian Federation, 119049. Email: pavlenko1993@gmail.com

References:

- Chakrabarty D. 2000. *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton: Princeton University Press. 336 p.
- Duara P. 1996. *Rescuing History from the Nation*. Chicago: University of Chicago Press. 286 p.
- Harrotunian H. 2005. Some Thoughts on Comparability and the Space-Time Problem. *Boundary 2*. 32(2). P. 23–52. DOI: 10.1215/01903659-32-2-23.

Liu H., van Dongen E. 2016. China's Diaspora Policies as a New Mode of Transnational Governance. *Journal of Contemporary China*. 102(25). P. 805-821. DOI: 10.1080/10670564.2016.1184894.

Nation Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States. 1994. L. Basch, N.G. Schiller, C.S. Blanc (ed.). New York: Routledge. 356 p.

Rofel L. 2007. *Desiring China: Experiments in Neoliberalism, Sexuality, and Public Culture*. Durham: Duke University Press. 264 p.

Shain Y., Barth A. 2003. Diasporas and international relations theory. *International Organization*. 57(3). P. 449–479. DOI: 10.1017/S0020818303573015.

Smart A., Hsu J. Y. 2004. The Chinese diaspora, foreign investment and economic development in China. *The Review of International Affairs*. 3(4). P. 544-566. DOI: 10.1080/1475355042000241511.

Kayzer M., Brednikova O. 2004. Transnatsionalizm i translokal'nost' (kommentarii k terminologii). [Transnationalism and Translocality (Commentaries on Terminology)]. *Migratsiya i natsional'noye gosudarstvo*. Saint-Petersburg: TSNSI. P. 133–146. (In Russian)

Lebedeva M.M. 2013. Aktory sovremennoy mirovoy politiki: trendy razvitiya. [Actors of Contemporary World Politics: Trends of Development]. *MGIMO Review of International Relations*. 1(28). P. 38–42. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-1-28-38-42. (In Russian)

Loshkariov I.D. 2015. Rol' diaspor v sovremennoy mirovoy politike. [The Role of Diasporas in the Current World Politics]. *MGIMO Review of International Relations*. 2(41). P. 120–126. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-2-41-120-126. (In Russian)

Литература на русском:

Кайзер М., Бредникова О. 2004. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии). *Миграция и национальное государство*. Санкт-Петербург: ЦНСИ. С. 133–146.

Лебедева М. М. 2013. Акторы современной мировой политики: тренды развития. *Вестник МГИМО-Университета*. 1(28). С. 38–42. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-1-28-38-42.

Лошкарёв И.Д. 2015. Роль диаспор в современной мировой политике. *Вестник МГИМО-Университета*. 2(41). С. 120–126. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-2-41-120-126.